

Глава 12. Переезд

В новогоднюю ночь Сунь Цинфэн щедро разбрасывался громкими обещаниями: клялся во что бы то ни стало выведать, что замышляет Фу Цинчжи, и непременно найти безопасный способ избавиться от Золотой печати.

Однако наутро, едва проснувшись, он решил не пороть горячку и подойти к делу основательно. В конце концов, Фу Цинчжи сквозь землю провалилась, а жизнь продолжалась. И всё же их привычный уклад заметно переменялся.

После праздников морозы ударили с новой силой, закружили метели. Наглухо заколотив досками окна и двери каменной хижины, Сунь Цинфэн забрал Цзинь Линьэра и увёл его за сотню ли — в городок Облачных ив, что примостился у самой реки Сунцзян.

Окружённый горами и омываемый речными водами, городок насчитывал почти тысячу дворов — по меркам бесплодных северо-западных рубежей место на редкость оживлённое. А в трёх ли к северу располагался военный аванпост, где несли службу три сотни пограничников.

Выбирая новое пристанище, Сунь Цинфэн руководствовался холодным расчётом: если его разум вновь помутится от вспышки призрачной злобы, Цзинь Линьэр сможет укрыться у военных. Обычным ратникам с обезумевшим мастером, конечно, не совладать, но они сумеют выиграть время. Этого короткого промедления могло хватить, чтобы он пришёл в себя и — самое главное — не покалечил мальчика.

Благодаря неисчерпаемым запасам золота в подземном тайнике нужды в деньгах они не испытывали. Без долгих раздумий приобрели в городке добротную усадьбу — не слишком просторную, но в самом удачном месте.

Прежние хозяева следили за домом: у ворот раскинули ветви старые персики и сливы, посаженные больше десяти лет назад. На подворье зеленел ухоженный огород, в загонах шумела домашняя птица, а за домом тянулись несколько му пашни, готовой к весеннему севу.

Заручившись поддержкой Чэнь Юньцина, который помог справить новые документы на имя Сунь Фэна и Сунь Линя, беглецы без труда выдали себя за обыкновенных отца и сына.

Только теперь Цзинь Линьэр понял, что о переезде Сунь Цинфэн задумался ещё тогда, когда мальчик захворал в первый раз. Суровый защитник оказался куда мягче и заботливее, чем казался со стороны.

«Определённо, он лучший защитник на всём белом свете», — думал Линьэр.

Теперь Сунь Фэн числился простым земледельцем. В глухое зимнее безвременье, когда на полях делать было нечего, он промышлял охотой: на рассвете уходил в лесную чащу, а к

сумеркам возвращался с добычей. С его намётанным глазом и безупречной меткостью настрелять дичи за полдня не составляло труда. Однако охотился он не ради мяса, а ради свежей крови, необходимой мальчику. Он долго выслеживал зверя, придирчиво отбирая самых здоровых и сильных животных, чтобы не дай бог не принести молодому господину порченную пищу.

Сунь Линя же определили в местную школу.

Впервые за четырнадцать лет своей жизни он почувствовал себя самым обычным ребёнком. Он просыпался в самом сердце шумного городка, весело перекликался со сверстниками по дороге на занятия, а после уроков дотемна заигрывался на улице, возвращаясь домой как раз к ужину — под ворчание «отца», хлопчущего у очага.

Как бы там ни было, они наконец-то зажили спокойной, размеренной жизнью. Пусть даже в этой тихой обыденности порой проскальзывало нечто из ряда вон выходящее.

Снаружи завывал ледяной ветер, пытаясь пробраться в дом сквозь узкие щели в оконных рамах. На дворе ещё стояла предрассветная темень, но в комнате жарко полыхали угли. В их багровом отсвете лицо Сунь Цинфэна казалось почти живым, тронутым здоровым румянцем.

— Я... я... Ой, горячо! Ф-фу-у! — Цзинь Линьэр прыгал на одной ноге, натягивая кожаный сапог и одновременно пытаясь проглотить обжигающую паровую булочку. Кое-как набросив тёплый плащ, он устремился к выходу. — Я побежал в школу!

Сунь Цинфэн поймал его за ремень, притянул обратно и, опустившись на одно колено, принялся неторопливо разглаживать складки на его одежде и поправлять пояс. Он при этом оставался бесстрастным.

— Не несись как угорелый, не на пожар бежишь. Повтори-ка, что я тебе наставлял. Всё запомнил?

Мальчик усердно закивал и, набрав в грудь воздуха, без единой запинки оттарабанил длинный список отцовских наставлений:

— Возле школы стоят две лавки с паровыми булочками, в той, что справа, кухня чище, но мне разрешено съедать не больше двух штук в день, чтобы не разболелся живот. Солодовый сахар у бродячих торговцев грязный, его покупать нельзя. Лавка бакалейщика на Западной улице слишком далеко, туда соваться запрещено. Как только уроки закончатся — сразу домой, никаких шатаний по подворотням. И если возился в грязи у дороги, сначала вымыть руки, а потом уже тащить еду в рот!

Цзинь Линьэр искренне не понимал, откуда опекуну известны такие мелочи. Подумаешь, позавчера после уроков вылепил из придорожной грязи пару куличей, а потом съел леденец немытыми руками! Неужели все бывшие монахи видят сквозь стены?

Сунь Цинфэн сурово нахмурился:

— Это не всё. Что ещё?

Линьэр несильно хлопнул себя по лбу:

— Ах да! В трёх ли к северу от города находится военный гарнизон. Если у вас случится припадок призрачной злобы, мне нужно сломя голову бежать туда и ждать, пока вы сами за мной не придёте. Дядя Сунь, я ведь знаю... Вы привезли меня сюда только ради этого.

С этими словами мальчишка резко развернулся, но его снова удержали за воротник. Он удивлённо оглянулся:

— Что, опять что-то забыл?

Сунь Цинфэн медленно разжал пальцы и негромко произнёс:

— Помни об этом. Всегда помни.

Услышав с улицы звонкие голоса приятелей, Линьэр торопливо кивнул и выскочил за порог. Однако уже через мгновение он снова появился в дверном проёме:

— Вы только отдыхайте побольше и ни о чём не беспокойтесь!

С этими словами он окончательно скрылся из виду.

В приоткрытую дверь ворвался порыв колючего зимнего ветра, обжигая лицо холодом. Сунь Цинфэн стоял посреди комнаты, скрестив руки на груди. Ловя угасающие в отдалении отзвуки детского смеха, он медленно подошёл к порогу и словно бы нехотя заглянул в щёлку. Извилистая цепочка свежих следов тянулась по нетронутому белому покрывалу усадьбы.

Следы Линьэра стали чуть шире, шаг — длиннее. Мальчик вырослел и уходил всё дальше от него. На душе у воина стало беспокойно. Повинуясь неясному порыву, он взял свой верный клинок, вышел на середину двора, ступая точь-в-точь по ямкам, оставленным детскими сапожками, и принялся неистово кружиться в стремительном танце меча. Сталь со свистом рассекала морозный воздух; случайная крупная снежинка, опустившись на лезвие, беззвучно распалась надвое.

Как ни тяжело было это признавать, но без этого егозы под боком в доме становилось тоскливо и пусто. Ни тебе преданных слуг, готовых выполнить любое приказание, ни величия бывшего дьявольского культа... Вместо этого — роль заботливой няньки, вынужденной делить заботы отца и матери при юном главе.

«Да уж, — с иронией подумал он, — более жалкого и опустившегося защитника Поднебесная ещё не видывала».

Первые пару месяцев после переезда Цзинь Линьэр бегал на уроки с величайшим восторгом. Но шло время, и к началу третьего месяца былая тяга к знаниям бесследно испарилась. Теперь мальчишка только и думал о том, как бы увильнуть от занятий.

И вот — очередное холодное утро.

Линьэр зажмурился и наощупь похлопал ладонью по соседней постели. Холодно. Значит, Сунь Цинфэн давно на ногах, и время близится к полудню. Он ещё повалялся, уныло постанывая и кряхтя в надежде привлечь внимание, но в ответ не раздалось ни звука. С досадой сообразив, что опекун ушёл по делам, а значит, притвориться больным и остаться дома не получится, Линьэр нехотя сполз с кровати. Наспех натянув одежду, он схватил холщовую сумку с книгами и сломя голову бросился к выходу.

При одной мысли о суровом взгляде наставника и его тяжёлой деревянной линейке мальчика охватила паника. В суматохе позабыв отпереть засов, он на полном ходу врезался лбом в дубовую дверь и со звонким «ой-ёй!» шлёпнулся на пол. Уловив за дверь знакомые шаги, Линьэр принялся потирать ушибленный лоб и жалобно запричитал:

— Дядя Сунь, ну почему вы меня не разбудили? Наставник опять исхлещет мне ладони за опоздание... Пожалуй, сегодня я лучше дома останусь!

Шмыгнув носом, он попытался нагнать тоски и выдавить хоть слезинку для убедительности. Но дверь пока была закрыта, и он решил поберечь силы: расплачешься раньше времени — опекун не увидит, только мокроту разведёшь.

— Только попробуй взвыть!

Сунь Цинфэн пинком распахнул дверь, швырнул на стол шуршащий промасленный свёрток и ловким движением длинной ноги пододвинул к себе табурет. Устроившись поудобнее, он принялся невозмутимо уплетать горячие булочки.

— Чего уставился? — прикрикнул он на распластавшегося на полу заговорщика. — И думать не смей о своих уловках. Быстро за стол, жуй и марш на занятия!

— Ой, живот... — Линьэр скорчился и схватился за бок. — Лихорадит меня, не иначе как заразу подхватил.

Сунь Цинфэн смерил его ледяным взглядом:

— Повтори, что ты там бормочешь?

— Да так, ничего... — понурился мальчик. Он послушно поднялся на ноги и с кислым видом запихнул за щеку пышную булку.

На Линьэре красовался новенький наряд: плотный тёмно-синий халат на вате, отороченный по вороту и рукавам пушистым белоснежным лисьим мехом. Мальчик стремительно рос, отчего казался хрупким и излишне угловатым. Его бледное лицо и глубокие чёрные глаза придавали ему сходство с изнеженным барчуком из благородной семьи. К тому же из-за неудавшейся притворной истерики у него слегка порозовели веки — любой случайный прохожий при виде такого трогательного создания немедленно растрогался бы.

Чего уж говорить о Сунь Цинфэне, который души не чаял в своём воспитаннике. Стоило Линьэру однажды убежать на уроки голодным, как опекун, испугавшись, что тот отощает, примчался к школе и с помощью внутренней силы незаметно переправил горячий пирожок прямо через раскрытое окно на его парту.

Сунь Цинфэн шумно выдохнул сквозь зубы и спросил:

— Ты ведь у нас непоседа, друзей в школе завёл без счёту. Раньше тебя из дома палкой было не выгнать, летел сломя голову. С чего вдруг теперь заартачился?

— Да ну их, — буркнул Линьэр. — Они скучные. Все вместе взятые и в подмётки тебе не годятся.

— Хочешь сказать, со мной веселее? — ворчливо поинтересовался воин.

— Ещё бы! Разве есть на свете кто-то сильнее и круче тебя? — Линьэр смущённо потеревил рукава своего халата. Было видно, что его тяготит какой-то сложный разговор, но он никак не решается его начать. Наконец, отведя взгляд, он спросил: — Дядя Сунь, а ты сам в детстве любил учиться?

— С ума сойти надо, чтобы любить эту зубрёжку! — выпалил Сунь Цинфэн.

Но тут же спохватился, сообразив, что угодил в расставленную ловушку. Спешно спасая остатки отцовского авторитета, он напустил на себя суровый вид и назидательно добавил:

— Но я твой отец, а родителям за партами сидеть не положено. Не хочешь учиться сам — вырасти собственного сына и отправь его отдуваться вместо себя!

Линьэр мгновенно оживился от любопытства:

— А где дают сыновей? Их можно где-нибудь подобрать?

— Для этого нужно сначала жениться, — отрезал Сунь Цинфэн.

— И что, прямо сразу после свадьбы можно будет пойти и забрать готового сына?

Сунь Цинфэн едва не поперхнулся куском булки от такой дремучести.

— Ты что, по-твоему, у дороги был подобран? — вспыхнул он.

— О, так ты тоже об этом слышал! — обрадовался Линьэр и с самым серьёзным видом закивал: — Матушка рассказывала, что когда в Дихуа случилось страшное наводнение, она выловила меня прямо из бурного потока. Говорила, все дети так и появляются. А тебя, раз ты родился в Байхае, тоже из воды достали?

— Ну да, из реки Байхай и выудили... — сбитый с толку воитель на мгновение потерял дар речи, но быстро взял себя в руки: — Какое, к чёрту, наводнение в Дихуа?! В этой бесплодной глухомани за весь год и капли дождя не выпросишь, откуда там взяться большой воде?

Линьэр недоумённо захлопал глазами, уставившись на опекуна пытливым взглядом. Он искренне ожидал, что бывалый воин наконец сорвёт покровы с великой тайны деторождения. Но Сунь Цинфэн лишь сердито молчал.

Тогда мальчик разочарованно почесал макушку и вздохнул:

— Эх... Похоже, ты и сам толком ничего не знаешь.

Сунь Цинфэн досадливо отвернулся, но тут его взгляд зацепился за ладонь мальчишки. Воин мгновенно посуровел. Он резко перехватил тонкое запястье Линьэра и ледяным тоном спросил:

— Это ещё что такое? Откуда рана?

Прямо посреди нежной ладони багровел уродливый, распухший рубец — явный след ударов учительской линейки. Линьэру было невыносимо стыдно признаваться в своём позоре, поэтому он попытался высвободить запястье, но Сунь Цинфэн держал его мёртвой хваткой, словно стальные тиски.